

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЮЖНОГО РУССКОГО «ДИКОГО ПОЛЯ» В ОРБИТУ СЛУЖИЛОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА)*

Е. В. Камараули

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 августа 2018 г.

Аннотация: на воронежских материалах анализируется процесс вовлечения свободных земель южнорусского пограничья в орбиту служилого землевладения. Применительно к южному региону рассматриваются различные аспекты поземельного законодательства послесмутного времени. В центре внимания исследования освоение участков целинной земли или «дикого поля».

Ключевые слова: служилое землевладение, поместье, XVII век, юг России, «дикое поле».

Abstract: on the Voronezh materials in the article the process of involving free lands of the South Russian borderland into the orbit of the service of land ownership is analyzed. With regard to the southern region, various aspects of land legislation of the post-tense time are considered. The focus of the research is the development of work on virgin lands or «wild fields».

Key words: service land ownership, estate, XVII century, south of Russia, «wild fields».

В первой половине XVII в. продолжалось формирование уездов на южных окраинах Российского государства. На богатых плодородными черноземами рубежах государство крайне бережливо относилось к земле, что отразилось в законодательстве послесмутного времени. Не был окончательно оформлен в территориальном и хозяйственном отношениях и Воронежский уезд, один из старинных и крупных на территории южного пограничья. Как показало писцовое описание 1627–1629 гг., в орбиту служилого землевладения было вовлечено приблизительно 6,3 % от реальной площади Воронежского уезда [1, с. 84–85].

Постановления первых лет царствования Михаила Федоровича были направлены, главным образом, на восстановление поместно-вотчинных прав дворянства [2, с. 60–61]. В законотворчестве начала 20-х гг. XVII в. отразились новые цели правительства. На первый план вышла задача предотвратить самовольные захваты земель служилыми людьми. Важную роль в этом курсе сыграло несколько законодательных актов, коснувшихся в том числе проблемы «лишних» и «примерных» земель: уложение 12 марта 1620 г., закрепленное указом 30 сентября 1622 г., а также указ 10 августа 1622 г. Строго-настроено запрещалось владеть поместьями и вотчинами самовольно, без «дач», присваивать земельные угодья сверх поместного

оклада, утаивать старые писцовые документы, где значилось меньшее количество четвертной пашни [3, с. 55–59, 167–169].

Сохранялась общероссийская причина рачительного отношения к земле. Количество служилых людей постоянно увеличивалось, что понуждало государство заботиться о создании неких земельных резервов для поддержания поместной системы в жизнеспособном состоянии. Важно и то, что возведение укреплений Белгородской черты повлекло за собой строительство городов и формирование вокруг них новых уездов [4]. Это дало толчок для дальнейшего развития поместного землевладения в южном регионе. Испомещение больших групп служилых людей сопровождалось масштабными перераспределениями земельной собственности. Размежевание границ уже существовавших и новоустроенных по черте уездов происходило непросто, в обстановке межевых конфликтов [5; 6].

Законодательство начала 20-х гг. XVII в. имело особое значение для южных уездов, где освоение новых земель из «диких полей» происходило ускоренными темпами. Ю. В. Готье было отмечено, что после Смуты начался мощный отток разных слоев населения из разоренных центральных уездов на окраины государства [7, с. 271–272]. На южных рубежах служилый человек попадал в слабо освоенный лесостепной край с богатыми почвами. Такая ситуация должна была спровоцировать массовые самовольные захваты земель и развитие на юге заимочно-го права как права первого владения. Вовлечение новых территорий в сферу поместного землевладения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058–ОГН.

© Камараули Е. В., 2019

не было бесконтрольным процессом. Освоение южного пограничья было налажено в соответствии со стратегией государства, исключавшей всякое расточительство земли. Важным шагом в этом направлении было проведение дозоров послесмутного времени и валового писцового описания российских уездов в 20–40-х гг. XVII в. Эти мероприятия включили освоенные южнорусские земли в систему государственных земельных кадастров [8; 9].

Служилый человек мог владеть только тем количеством пашни, которое было зафиксировано за ним писцами. Несанкционированное увеличение количества записанных четвертей считалось незаконным. Систематическое нарушение этого правила породило проблему «лишних» и «примерных» земель, т. е. незаконно присоединенных к владению. Вышеупомянутое уложение 1620 г. разрешало записывать за помещиками и вотчинниками «лишние» земли, если они были распаханы из принадлежавших им непашенных угодий, например, лугов и лесов, и не выходили за межевые границы старинных «дач». При этом предполагалось, что общее количество четвертей не превышало оклада, а землевладелец сам извещал Поместный приказ о свершившемся «примеривании» [3, с. 169].

Для южнорусских уездов проблема «лишних» земель в первой половине XVII в. уже существовала, хотя не приобрела той остроты, что в конце столетия [10, с. 93]. На «примеривание» четвертей местных помещиков толкала не столько практическая необходимость в расширении запашки, сколько стремление закрепить за собой каждую плодородную земельную четверть, которая в будущем принесет ее владельцу доход. В южном регионе было достаточно пригодных для эксплуатации нетронутых земель, именовавшихся в терминологии Поместного приказа «диким полем». В экономическом отношении под «диким полем» понималась земля, ранее не вовлекавшаяся в хозяйственный оборот. Превращение «диких полей» в служилые земли происходило посредством первичного испомещения, придачи, «заимки» и т. п. Все эти акты подлежали обязательному юридическому оформлению согласно сложившимся процедурам. Важнейшей среди них была регистрация в Поместном приказе, где земельное владение надлежало записать за служилым человеком – «справить». В свою очередь на местах осуществлялись так называемые «отказы» земли [11, с. 84].

К концу 20-х гг. XVII в. некоторые участки «дикого поля», те, что имели владельца, были внесены писцами в кадастровую документацию. Эти земли стали частью хозяйственной альменды сел, деревень и пустошей, но их распашка осуществлялась медленно или не предпринималась вовсе. Такая ситуация в особенности была характерна для пустошей, где, в

отличие от живущих поселений, пахотные угодья не обрабатывались годами [1, с. 85]. Их хозяйственное освоение носило промысловый характер, а эксплуатации подвергались преимущественно леса и водоемы.

Несмотря на впечатляющие масштабы землеустроительных работ, предпринятых в 1627–1629 гг., большинство земель «дикого поля», потенциально пригодных для служебного и хозяйственного использования, осталось вне поля зрения писцов. Их освоение осуществлялось постепенно в течение всего XVII в.

Примечая незанятые урочища, присматривая «дикие поля», служилые люди сами просили государя о передаче их в поместья или вотчины, подавали челобитные о «справке» и об «отказе» земель. Измерение усадебных и пашенных участков, а также надлежавших к ним угодий возлагалось государством на отказчиков и писцов. Леса и водные угодья обмеру не подлежали, размеры сенокосов смечались на глаз в копнах, участки под пашню полагалось измерять саженой веревкой и переводить в четверти [12, с. 78–79].

Обратимся к материалам Воронежского уезда, поземельное устройство которого в первой половине XVII в. достаточно полно отразилось в документации Поместного приказа. Особенно ценный для исследователя материал дает писцовая книга 1627–1629 гг. [13] и отказы за первую половину столетия, объединенные в воронежской отказной книге 1615–1644 гг. [14]. На имеющихся данных попытаемся проследить, как происходило вовлечение в служебный и хозяйственный оборот земель «дикого поля», в какой степени в этих процессах соотносились государственные и частные инициативы.

Как было установлено выше, большая часть пригодных для обработки земель лежала вне системы государственных кадастров. Обнаружив свободный участок, сын боярский решал застолбить его за собой, при этом не всегда имея возможность его обрабатывать. В таких случаях экономическая эксплуатация «диких» угодий следовала за приобретением де-юре владельческих прав на него. Таковую модель колонизации земель предписывало служилым людям законодательство 20-х гг. XVII в. Существовал и другой сценарий хозяйственного и служебного освоения «дикого поля» – заимка участка, обустройство его дворами и заселение крестьянами, распашка. Экономическая эксплуатация угодий при этом необязательно сопровождалась оформлением юридических прав на захваченные площади.

В итоге проверка владельческих прав помещиков и вотчинников стала одной из главных писцовых задач в ходе валового описания уездов Московского государства в 20–40-х гг. XVII в. [9, с. 57]. Писцовая

книга Воронежского уезда 1627–1629 гг. зафиксировала 859 владений в виде поместных или вотчинных жеребьев, при этом выявив следующую картину состояния владельческих документов (таблица).

Таблица

Результаты проверки владельческих прав помещиков и вотчинников Воронежского уезда в ходе писцового описания земель 1627–1629 гг.

№ п/п	Подтверждающий право владения документ	Количество владений	Процент от общей суммы владений	Общая сумма владений
1	Не имеется	292	34	859 (100 %)
2	Ввозная грамота	308	36	
3	Вотчинная грамота	20	2	
4	Отказные и отдельные книги (или выписи из таковых)	133	16	
5	Ссылки на дозорную книгу 1615 г. ¹	86	10	
6	Выписи из дозорных книг 1620–1622 гг., заверенные городовым воеводой или дьяком Поместного приказа ²	20	2	

Абсолютное подтверждение грамотами получили только вотчины, весьма немногочисленные в уезде. Наилучшая обеспеченность документацией оказалась у детей боярских, многие из которых сумели показать ввозные грамоты на свои поместья. Но и среди этой категории землевладельцев значительная часть располагала только отказными книгами или ссылалась на тот факт, что их поместья были зафиксированы дозором 1615 г. Поместные казаки предъявили преимущественно отказные и отдельные книги или выписи из материалов дозора 1620–1622 гг. Документально не подтвержденное владение служилой землей оказалось весьма распространенным явлением. Затруднились предоставить бумаги на землю представители всех категорий землевладельцев, в особенности беломестные и слободские атаманы, но также дети боярские, поместные казаки, вдовы и дочери служилых людей, жившие на прожиточных поместьях. Свершившееся в 1627–1629 гг. поземельное описание уезда придало всем служилым владениям, зафиксированным писцам, легитимный статус. Вы-

писи из воронежской писцовой книги 1627–1629 гг. служили документальным подтверждением владельческих прав вплоть до 1685–1686 гг., когда в рамках «второго валового письма» была предпринята новая попытка инвентаризации служилых земель Воронежского уезда [10].

Раздачи участков в поместья или вотчины были ограничены существованием такого явления, как земельная «дача». Под «дачей» следует понимать то количество четвертной пашни, которое сын боярский мог получить одновременно, а ее размер устанавливался в зависимости от продолжительности его службы и пригодности к ней. Служилый человек в течение жизни собирал «дачи» одну за другой. Никто не мог рассчитывать, что получит одновременно земельную площадь, равную по величине размеру его оклада поместного жалованья. Это правило незыблемо действовало не только в центре, где земельные владения, леса и водные ресурсы давно были распределены, но и в южных уездах, где свободных угодий имелось в достаточном количестве.

Вместе с тем освоение южного пограничья было сопряжено с постоянной военной опасностью. Колонизация земель и борьба с татарами стали неразрывно связанными процессами [15]. В первой половине столетия набеги степняков на территорию Воронежского уезда неоднократно наносили серьезный имущественный ущерб местным жителям, как крестьянам, так и землевладельцам [16]. Южные земли подвергались татарским рейдам и после возведений Белгородской черты, как это было, например, в Елецком уезде в 1659 г. [17]. Материальные и людские потери, а также осознание важности своей миссии по защите степных рубежей подтолкнули местных служилых людей активнее бороться за свое основное достояние – землю.

Отстаивая свое преимущество на завладение свободными «дикими полями», дети боярские обращались за помощью к государю. В результате указом 12 апреля 1648 г. права «украинных» служилых людей на порозжие земли и целинные земли в их уездах были закреплены законодательно. При этом установились нормы поместных «дач», выделяемых из «дикого поля» [3, с. 134–135]. Позднее текст указа перешел в 40-ю статью XVI главы Соборного уложения 1649 г. Отныне «дача» устанавливалась строго в зависимости от оклада земельного жалованья. Служилые люди, имевшие оклад 400 четвертей (далее – ч.), получали из «дикого поля» 70 ч. (до 18 % от оклада); оклад 300 – 60 ч. (до 20 %); 250 – 50 ч. (до 20 %); 200 и 150 – 40 ч. (соответственно до 20 и 27 %); 100 – 30 ч. (до 30 %); 70 – 25 ч. (до 38 %) [18]. Назначенные размеры участков не являлись прямым указанием для землеустроителей, а являли собой предельные нормы наделения землей.

¹ Дозор 1615 г. служил «приправочной» (для справки) книгой писцу Р. Киреевскому и подьячему Л. Недовескову при описании Воронежского уезда в 1627–1629 гг.

² Материалы дозора 1620–1622 гг. не сохранились до нашего времени. Известно, что дозор проводился писцом Василием Сараевым и подьячим Иваном Борисовым в течение 1620/21, 1621/22 гг. Неизвестно, был ли описан уезд полностью или отдельные поселения и станы.

Итак, реальное землеустройство отличалось от предписанного законодательством, а раздачи «дикого поля» начались задолго до появления указанных норм. Применительно к Воронежскому уезду сохранившиеся отказы хорошо описывают ситуацию 20–40-х гг. XVII в., о которой пойдет речь ниже. В-первых, конкретному сыну боярскому непросто было приискать свободный участок «дикого поля» достаточного размера, чтобы он соответствовал высокому окладу. Во-вторых, при испомещении на больших свободных площадях отказчик земли руководствовался служебной годностью и материальной ситуацией детей боярских. Будучи выходцами из местной служилой корпорации, отказчики хорошо знали экономические и бытовые обстоятельства своих сослуживцев. Земельные отказы осуществляли наиболее уважаемые дворяне, занимавшие выборные должности, как, например, осадный голова П. М. Шишкин, губной староста Н. Г. Тарарыков. Ряд отказчиков состоял в коллегии окладчиков, наилучшим образом информированных о служебной годности дворян и детей боярских и дававших соответствующие показания во время разборов. В разные годы отделением земли занимались окладчики на большом разборе 1622 г. Ф. С. Фролов, Н. И. Абрамов (Салманов); окладчики на верстальном разборе 1632 г. Б. И. Крячков, П. М. Шишкин, Н. Г. Тарарыков, Т. И. Михнев, И. А. Немой; окладчики на верстальном разборе 1638 г. вновь Б. И. Крячков и Ф. С. Фролов, а также И. А. Енин³ [19].

В итоге дети боярские, поверстанные одинаковыми окладами, получали разные «дачи» из «диких полей» даже при одновременном испомещении. В 20–40-е гг. XVII в. при окладе 100 ч. раздавались участки по 10, 20, 30, 35, 50 ч. При окладе 150 ч. наблюдалось еще большее разнообразие: «дачи» по 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 50 и даже – исключительный случай – по 100 ч. братьям А. М. и Г. М. Алтуховым в 1623 г. в с. Телечино-на-трех-колодезях. Иногда раздачи целинных земель превышали нормы, позднее предписанные Уложением 1649 г., но, как правило, отказчики не выделяли служилым людям чрезмерно больших участков. Любопытно, что на «диких полях» часто испомещались дети боярские меньших и средних статей верстанья. При этом практиковался такой порядок: чем большим поместьем владеет сын боярский и чем больше у него пахотных земель, тем меньше «дикого поля» будет ему отделено. В первую очередь угодьями обеспечивались малоземельные и безземельные служилые люди. Перед такими помещиками, зачастую однодворцами, одновременно стояли две задачи – наладить трудовое хозяйство на своих землях и обеспечить себе подъем на службу.

³ Сведения об окладчиках взяты из соответствующих разборных и верстальных десятен 1622, 1632, 1638 гг.

Бережливое отношение государства к свободным землям показывает, насколько велика была ценность «диких полей». В крупных урочищах подлежали «мере» значительные по площади угодья, предназначенные для массовых поместных раздач. После коллективных испомещений, когда целым товариществам детей боярских отделялись «дачи», лишние вымеренные земли неизменно отписывались в казну, «на государя».

Групповые испомещения на «диких полях» имели разное логическое продолжение. Важно, что подобные практики вели к формированию новых поселений. Например, летом 1639 г. по коллективной челобитной группы служилых людей во главе с И. Щербатовым и П. Пожидаевым было произведено измерение 480 ч. «дикого поля» под Хлебенским лесом в районе рек Дона и Колыбелки. Тогда же были произведены первые наделения поместьями челобитчиков. В 1646 г. перепись Воронежского уезда зафиксировала сельцо Хлевное, где стояли дворы 24 помещиков, окруженные бобыльскими дворами [20, с. 145–147].

Похожим образом возникла деревня Демшина, чьи угодья расположились в урочище Демшин липяг и по берегам левого рукава речки Излегощи. В 1633 г. на «диком поле» в тех местах была испомещена группа беспоместных детей боярских. Один из них, Ф. Востриков, владел поместьем, остальные служили без земли. На устройство усадеб новопоселенцам было выделено по 20 десятин земли, на пашню Ф. Вострикову 15 ч., а его товарищам – по 35 ч. Излишек вымеренных земель в 170 ч. в дальнейшем был израсходован на новые испомещения. С 1634 г. в источниках упоминается деревня Демшина, а ее помещики называются термином «сябры». Это наименование употреблялось для обозначения совладельцев пахотных земель и промысловых угодий. Внутренняя связь «сябров» была не только хозяйственной. Их соединяли, по-видимому, и узы боевого товарищества, и элементы родства. Интересно, что термин «сябры» применялся, главным образом, к пустопоместным служилым людям (однодворцам).

Подведем итоги исследования. В первой половине XVII в. на южных окраинах государства шло интенсивное освоение земель местным военизированным населением. В Воронежском уезде на раннем этапе его существования самовольные захваты свободных земель служилыми людьми сплетались с легальными испомещениями. При этом коллективные испомещения способствовали формированию новых поселенческих и хозяйственных единиц.

Обилие свободных земель «дикого поля» способствовало землеустройству значительной массы детей боярских. Однако внутренние регуляторы поместно-вотчинной системы замедляли освоение целинных

земель и вовлечение их в сферу служилого землевладения. К таким регуляторам следует отнести оклад поместного жалования, объем земельной «дачи», размеры и хозяйственное состояние реальных поместий и вотчин. На местности порядок землеустройства складывался таким образом, что земельная «дача», отделяемая из «дикого поля», по своему размеру была обратно пропорциональна величине нажитого ранее поместья.

Правом на приобретение участков «дикого поля» пользовались все представители местной служилой корпорации. Но для малоземельных и безземельных низов служилого города приискание и освоение целинных земель было основным путем обеспечить себя помещьем. В особенности это было актуально для беспоместных новиков, в том числе детей неслужилых отцов, не имеющих иной возможности подняться на службу, кроме как получить доход с земли. Впрочем, экономическое состояние таких помещиков, отсутствие крестьянской трудовой силы не всегда позволяло приступить к хозяйственной эксплуатации «дикого поля».

Важной вехой в проведении землеустроительных работ стало писцовое описание Воронежского уезда в 1627–1629 гг., отразившее природно-хозяйственный и правовой статус местных земель. Но в 20-е гг. XVII в. далеко не вся земля, пригодная для освоения, была внесена в систему государственных земельных кадастров. Вовлечение «дикого поля» в сферу служилого землевладения продолжалось, а повседневные обязанности землемера и межевщика вне валовых писцовых работ выполняли отказчики и отдельщики земель. В их качестве выступали местные землевладельцы, уважаемые люди, нередко входившие в коллегию окладчиков или занимавшие должности в местном управленческом аппарате. Такие отказчики выделяли участки целинных земель сослуживцам, руководствуясь своими собственными знаниями и представлениями об их служебной годности. И только в середине столетия размер поместного оклада законодательно стал главным мериллом при отведении «дикого поля».

ЛИТЕРАТУРА

1. Камараули Е. В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. / Е. В. Камараули // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 года. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. – М. ; Уфа, 2016.
2. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения) / В. Н. Козляков. – Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2000.
3. Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом Министерства юстиции. Вып. 1.

Указная книга Поместного приказа / подг. В. Н. Сторожев. – М. : Типолитография Товарищества И. Н. Кушнеров, 1889.

4. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1969.

5. Глазьев В. Н. Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII в. / В. Н. Глазьев // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. – Вып. 3. – М., 2013.

6. Загоровский В. П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) / В. П. Загоровский // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987.

7. Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. / Ю. В. Готье. – М. : Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1906.

8. Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. : опыт государственного строительства / М. Ю. Зенченко. – М. : Памятники исторической мысли, 2008.

9. Милов Л. В. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования / Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова. – М. : Изд-во МГУ, 1986.

10. Камараули Е. В. К изучению «второго валового письма» : попытка поземельного описания Чертовицкого стана Воронежского уезда в 1685–1686 гг. / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2018. – № 1.

11. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке / В. М. Важинский. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. институт, 1974.

12. Камараули Е. В. Поместное землевладение на Юге России в XVII в. (по материалам Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1.

13. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 76. – Ч. 1–2. – Л. 1–1104.

14. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 2. – Ч. 1. – Д. 12287. – Л. 1–1006.

15. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке / А. А. Новосельский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.

16. Глазьев В. Н. Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. / В. Н. Глазьев // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 20, вып. 10.

17. Ляпин Д. А. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение Юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) / Д. А. Ляпин, К. Ю. Гайтерова // Вестник Брянск. гос. ун-та. – 2018. – № 2 (36).

18. Соборное уложение 1649 года : текст, комментарии. – Л. : Наука, 1987.

19. *Сторожев В. Н.* Воронежское дворянство по десятиям XVII века / В. Н. Сторожев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. – Воронеж, 1894.

*Воронежский государственный университет
Камараули Е. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории
E-mail: kamarauli@bk.ru
Тел.: 8 (473) 239-29-34*

20. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / подг. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998.

*Voronezh State University
Kamarauli E. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Political History Department
E-mail: kamarauli@bk.ru
Tel.: 8 (473) 239-29-34*